

УДК 821.112.2(439):371

Ж. Е. Потапова

**ТЕМА ШКОЛЫ В РОМАНЕ РОБЕРТА МУЗИЛЯ
«ДУШЕВНЫЕ СМУТЫ ВОСПИТАННИКА ТЕРЛЕСА»
(ROBERT MUSIL «DIE VERWIRRUNGEN
DES ZÖGLINGS TÖRLEß»)**

Резюме

Від того, як виховано молоде покоління, залежить майбутнє країни, тому тема виховання молоді є однією з найактуальніших тем прогресивно мислячих письменників будь-якого часового періоду. В цьому відношенні звертає на себе увагу роман одного з найвизначніших австрійських письменників ХХ століття Роберта Музиля «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß». У статті показано, що хоча школа, навчання і вчителі не є центральною темою роману Р. Музиля «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», всі події відбуваються на тлі життя в навчальному закладі, і це дає можливість мати уявлення про стан навчально-виховної системи навчального закладу в австро-угорській імперії на межі ХІХ–ХХ століть.

Summary

The future of our country depends on upbringing of the younger generation. Therefore the subject of youth upbringing is one of the most urgent issues for progressively minded writers of any time period. In this respect, the attention should be drawn to the novel «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß» by Robert Muzil, one of the most outstanding Austrian writers of the twentieth century. The article deals with R. Muzil's novel «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß». Though school, teaching and teachers are not in the focus of the German writer's attention, all events in the novel are developing against the background of an educational establishment, which makes it possible to get information about the school system of teaching and upbringing in Austria-Hungarian empire at the end of the 19, the beginning of the 20 c.

Ключевые слова: Роберт Музиль, «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», школа.

Роберт Музиль (1880–1942) – один из крупнейших австрийских писателей ХХ века. Его первое произведение – «Die Verwirrungen des Zöglings Törleß», – изданное в 1906 году (написанное несколькими

годами раньше), представляет собой явление незаурядное. Его герой, воспитанник привилегированного закрытого учебного заведения, переживает в период взросления смятения различного рода. Внутренний мир героя показан во всем многообразии (взросление души, ее смятения, прозрение), что дает богатый материал для исследований, в том числе и диссертационных. Так, Е. Ю. Мамонова исследует отражение в романе общей для рубежа веков идеи гибели мира, мотив «второго рождения» как возможность преодоления смерти, который развивается через трансформацию мотивов возрождения, воскресения и метаморфозы. Герой, не сталкиваясь с реальной смертью, переживает перерождение в очистительных испытаниях (преступление, обвинение, суд) [1]. Предметом исследования М. В. Киселевой является феномен границы в творчестве австрийских писателей, который появляется на сюжетном уровне как постоянный компонент мотивов превращения, преступления и двойничества [2].

Школа, преподавание и учителя не являются центром повествования, но все события происходят на фоне жизни в вышеупомянутом учебном заведении, и это дает возможность иметь представление об условиях, в которых воспитывалась молодежь на рубеже XIX–XX веков. В роман включены многие автобиографические элементы, которые основываются на опыте пребывания автора в военном конвикте.

Жизнь школы является отражением жизни в обществе. И, как считают некоторые авторы, роман Роберта Музиля относится к тем грустным школьным романам немецкой литературы, о которых нельзя сказать, что они ощутили на себе воздействие реформ и воспитательных методов. Стоит только вспомнить об ужасающих случаях в Эрфурте и Дрездене, чтобы понять ненависть или отчаяние, которые могут вызвать несправедливые учителя. Или подумать о терроре, который используют учащиеся по отношению друг к другу, особенно против более слабых и нерешительных. У школы есть черная сторона, которую не может убрать из действительности никакая просвещенная педагогика [3].

Сюжет романа движут отношения между четырьмя воспитанниками престижного австрийского закрытого учебного заведения. Это

учебное заведение-интернат, иначе конвикт, расположено вдали от резиденции для того, чтобы уберечь подрастающую молодежь от негативных влияний большого города. Выпускники шли затем в высшую школу, на военную или государственную службу.

Один из воспитанников, Базини, украл деньги, чтобы расплатиться с долгами. Другие трое обнаружили это, но не стали предавать огласке, чтобы самим наказать провинившегося. Каждый пользуется своим методом. Байнеберг ориентируется в своих мыслях и поступках на познания индийской религии и на ее учение о душе, чем он оправдывает все свои эксперименты и мучения Базини. Ему надо было испробовать, насколько далеко он может зайти, чтобы окончательно сломать и без того слабый характер Базини. Как нигилист и противник христианской морали он отражает, хотя и в запутанной форме, идею Ницше о сверхчеловеке [4]. Райтинг интересуется исключительно военной службой и хочет стать офицером. Базини он представляет для себя подчиненным, на котором он может разряжать свою ярость и испробовать свою власть, чтобы таким образом, как он утверждает, собирать опыт для своей дальнейшей карьеры начальника [4]. Тёрлес поддается влиянию своих старших товарищей, свирепых до крайней степени, несмотря на их благородное происхождение и талант. Чтение книг и собственная незначительная проба пера спровоцировали в нем беспомощность и ощущение, что он не может сам себя найти, так что казалось, что у него вообще нет характера. И теперь он живет в противоречии: следовать примеру своих грубых товарищей и одновременно внутри быть равнодушным к этим устремлениям [5]. Писатель демонстрирует, что садизм юных отпрысков привилегированных семей опирается на вполне сложившуюся жизненную философию «самовоспитания через зло», за которой просматривается ницшеанская концепция «сверхчеловека», противопоставленного «малокровным» (так изъясняется «идеолог» садизма Байнеберг) [6].

У товарищей Тёрлеса имелись свои укромные места в чердачных помещениях. Кроме этих трех едва ли кто-нибудь во всем институте знал об их существовании, не говоря о том, чтобы найти им какое-нибудь применение [7, с. 53]. Помещения были обустроены по

авантюроному вкусу их хозяев. Стены были задрапированы кроваво-красной материей, которую Райтинг и Байнеберг стащили в какой-то из чердачных комнат, пол был покрыт двойным слоем толстых шерстных одеял. В передней части каморки стояли низкие, обитые материей ящички, служившие сиденьями; сзади было устроено спальное место. Оно помещало трех-четыре человек и занавеской могло быть затемнено и отделено от передней части клетушки. На стене у двери висел заряженный револьвер, призванный создавать иллюзию непокорности и секретности [7, с. 53–54]. У Байнеберга были ключи ко всем подвальным и чердачным помещениям училища, и он часто на много часов исчезал из класса, чтобы где-то там сидеть и при свете фонарика, который он всегда носил с собой, читать или предаваться мыслям о сверхъестественных вещах [7, с. 54]. У Райтинга тоже были свои укромные места, где он хранил тайные дневники, заполненные дерзкими планами на будущее и точными записями о причине, инсценировке и ходе многочисленных интриг, которые он затевал среди товарищей. Для Райтинга не было большего удовольствия, чем натравливать друг на друга людей, побеждать одного с помощью другого и наслаждаться вынужденными любезностями и лестью [7, с. 54–55]. Здесь же, в этих помещениях, происходила расправа с укравшим у Байнеберга деньги Базини. Базини был у них в руках, и они могли делать с ним что хотели. Они срывали с Базини одежду и хлестали его чем-то тонким, гибким, били в лицо, требовали лечь на пол и ставили на него ноги, кололи иголкой, заставляли хрюкать, произносить: «я ваша скотина, вор и свинья», направляли на него револьвер, требовали сексуальных услуг. Тут Байнеберга был даже более одержим, чем Райтинг. В конце концов оба зачинщика обнаружили, что Базини смирился с тем, что обязан им подчиниться и уже не страдает от этого, а значит, пора двинуться с ним дальше. На замечание Терлеса, что он не знает, чего они хотят, Райтинг ответил, что Базини нужно продолжать унижать и прижимать, – ему интересно, насколько далеко здесь можно зайти. Можно отстегать его кнутом и заставить при этом петь благодарственные псалмы, подавать в образе собаки наигрязнейшие вещи. А можно выдать классу. Если каждый из такого множества людей внесет свою даже

маленькую долю, этого хватит, чтобы растерзать его на части, а поставит такую сцену – для него чрезвычайное удовольствие [7, с. 163–164]. А Байнеберг еще раньше рассуждал, что ему не будет жаль Базини ни в каком случае: выдадут ли его, избыют или даже удовольствия ради замучат до смерти. Он не может себе представить, чтобы в замечательном мировом механизме такой человек что-либо значил. Такой человек кажется ему созданным чисто случайно, вне ряда. То есть он, вероятно, должен что-то значить, но наверняка что-то столь же неопределенное, как какой-нибудь червяк или камень на дороге, о котором не знаешь, пройти мимо или наступить на него. Если мировая душа хочет, чтобы одна из ее частей осталась в сохранности, она выражается яснее. Тогда она говорит «нет» и оказывает сопротивление, она заставляет пройти мимо червя, а камню придает такую твердость, что без инструмента его нельзя разбить. Ведь прежде чем будет принесен инструмент, она окажет противодействие множеством мелких, упрямых сомнений, а если мы преодолеем их, то, значит, дело это с самого начала имело другое значение [7, с. 78]. И поэтому такие люди как Базини – пустая, случайная форма, а настоящие люди лишь те, что могут проникнуть в самих себя, погрузиться в глубины своей связи с великим вселенским процессом [7, с. 83].

Базини с самого начала предполагалось наказать собственными силами, так как начальство самое большее исключит провинившегося и напишет письмо домой. Для Байнеберга Базини имеет ценность – даже очень большую; он хочет сохранить его для себя, чтобы на нем поучиться и помучить его. С самим Базини считаться не надо. Решение мучить его или пощадить зависит только от потребности его мучителей в том или в другом [7, с. 81–82]. Рейтинг тоже не отступится, ибо и для него особенно ценно иметь кого-то целиком в своей власти и упражняться, обращаясь с ним, как с орудием. Он хочет властвовать, и с Терлесом он поступил бы в точности так же, как с Базини, если бы дело случайно коснулось его [7, с. 82]. Тёрлеса же эти вещи не занимали, поэтому и ловкости в них у него не было. Однако он тоже жил в этом мире и мог каждый день воочию видеть, что значит быть в государстве (ведь каждый класс в таком заведении

– это маленькое отдельное государство) на первых ролях. Поэтому он испытывал робкое почтение к обоим своим друзьям. Порывы подражать им, иногда у него возникавшие, не шли дальше дилетантских попыток. По этой причине, будучи к тому же моложе, он оказался по отношению к ним в положении ученика или помощника. Он пользовался их защитой, а они прислушивались к его советам, так как ум Тёрлеса был очень подвижен, и стоило его только навести на след, как он с необычайным успехом придумывал самые хитроумные комбинации. Его роль тайного начальника генерального штаба доставляла ему удовольствие. Тем более что она была почти единственным, что немного рассеивало его душевную скуку [7, с. 56–57].

Духовные же дела обстояли примерно так. После разрыва дружбы с графом и его ухода из конвикта вокруг Тёрлеса сделалось совсем пусто и скучно. Он тем временем становился старше, и на этом отрезке своего развития завязал знакомство с Байнебергом и Райтингом. В том возрасте, в котором находился Терлес, в гимназии успевают прочесть Гете, Шиллера, Шекспира, возможно даже, уже и современных авторов. Это затем, наполовину переварившись, вытекает из-под собственного пера. Возникают трагедии из римской жизни или чувствительная лирика, вещи сами по себе смешные, но для верности развития неоценимые, так как эти пришедшие извне ассоциации и заимствованные чувства проносят молодых людей над опасно зыбкой психологической почвой тех лет, когда ты должен сам что-то значить и все же слишком еще незрел, чтобы действительно что-то значить. Останется ли что-то от этого на будущее для одного или другого – неважно. Опасность заключена лишь в переходном возрасте. Если такому молодому человеку показать, как он смешон, почва уйдет у него из-под ног или он упадет, как проснувшийся лунатик, который вдруг ничего не видит, кроме пустоты. Этой иллюзии, этой уловки на благо развития в училище не было. Классики в библиотеке, правда, имелись, но они считались скучными, еще там были только томики сентиментальных новелл и плоские военные юморески [7, с. 15–16].

Обо всем, что происходит в учебно-воспитательном заведении во внеурочное время, руководство и педагогический коллектив не имеют понятия. Воспитанники не знают, чем себя занять. Учебный

план, очевидно, тоже имеет узконаправленную специфику. Вот как рассуждает Терлес, который отправился в училище с радостью и добровольно: «Из всего того, что мы делаем целый день в школе, что из этого собственно имеет смысл? От чего есть какой-то толк? Толк, я имею в виду, для себя, понимаешь? Вечером знаешь, что прожил еще один день, что выучил столько-то и сколько-то, ты выполнил расписание, но при этом остался пустым – внутренне, я хочу сказать, ты испытываешь, так сказать, целиком внутренний голод» [7, с. 30]. Таким образом, в романе показана картина «ужасающего дефицита человечности», к которому может привести бесцельное состояние души, и опасности военно-ориентированного воспитания. Как отмечает Jens Jessen, Музиль рассказывает историю не политически, а как естественный процесс, и интернат – не особый случай, а типичный [3]. Наряду с интерпретацией юношеского взросления Музиль пророчески предсказывает картину грядущей диктатуры и перемалывание индивидуума через систему [8].

Изучение учебно-воспитательной атмосферы в привилегированном закрытом учебном заведении дает представление об условиях, в которых воспитывалась избранная австрийская молодежь на рубеже XIX–XX веков. Поскольку жизнь школы является отражением жизни в обществе, можно сделать вывод, что у такого общества может не быть будущего с общечеловеческими ценностями.

Список литературы

1. Мамонова Е. Ю. Мотив «второго рождения» в немецкоязычном романе первого десятилетия XX века: Т. Манн, Г. Гессе, Р. Музиль, Р. М. Рильке : автореф. канд. дис. / Е. Ю. Мамонова. – Пермь, 2006. – 197 с.
2. Киселева М. В. Понятие границы: рецепция Ф. М. Достоевского в австрийской литературе (Ф. Кафка и Р. Музиль) : автореф. канд. дис. / М. В. Киселева. – М., 2012.
3. Jessen, Jens. DIE ZEIT-Schülerbibliothek (39): Schule ist wie die Gesellschaft: Böse. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zeit.de/2003/33/Sbib-Musil_33
4. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://de.wikipedia.org/wiki/Die_Verwirrungen_des_Z%C3%B6glings_T%C3%B6rle%C3%9F

5. Fallgruben der Internatserziehung [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.litde.com/roman-chronik/der-erzhlerische-tabubruch-robert-musil-die-verwirrungen-des-zglings-trless-i.php>

6. Синило Г. В. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.niv.ru/doc/philosophy/encyclopedia-post-modern/292.htm>

7. Musil, Robert. Die Verwirrungen des Zöglings Törleß / Robert Musil. – Hamburg : Rowohlt Verlag GmbH, 2004. – 200 S.

8. Klappentext der Rowohlt-Taschenbuchausgabe.